

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

ЕДУ в Репино на электричке... За окном не чувствуется осени. Листья не желтеют, не опадают. «Может, это потому, — думаю я, — что здесь живет знаменитый веселый артист Аркадий Райкин!»

Встретивший меня хозяин дома оказался настолько неулыбающимся, что с моего языка сорвался вопрос:

— Скажите, пожалуйста, Аркадий Исаакович, веселый ли вы человек!

— Не могу сказать, что я очень уж развеселый. Скорее, наоборот. Я предпочитаю наблюдать людей, внимать им... Но вовсе не обязательно «проявлять юмор» постоянно. О юморе хочется сказать мне: человек, не понимающий юмора, похож на квартиру, где закрыты ставни, сюда не проникают солнечные лучи. Большинство сатириков и юмористов — люди молчаливые. Чем это объяснить? Вероятно, тем, что они постоянно в состоянии задумчивости. Они нас наблюдают. Как известно, не был весельчаком Салтыков-Щедрин. Я дружил с Михаилом Зощен-

кой на себя, часто встречаю дружеские шаржи, карикатуры. Например, карикатура, сделанная Кукрыниксами, по-моему, великолепна. Не могу не ценить добрый смех. Но именно — добрый. Сатира — ведь это оружие, и поэтому направлять его нужно только с позиций добра; и смеяться надо с позиций добра. Ни в коем случае нельзя в каком-то смысле «потирать ручки», показывая отрицательный персонаж. Нельзя радоваться внутренне и получать удовольствие оттого, что он существует поблизости. Это уже не искусство, и ему нет места на сцене.

— Как начиналась ваша театральная жизнь?

— Вероятно, так же, как жизнь тысяч актеров. Я был влюблен в театр с самого детства. Обожаю школьную само-

— Стараюсь наблюдать, больше видеть. Когда чувствую, что мне есть что сказать, — иду на сцену. Ведь это моя общественная трибуна. Я всегда боюсь идти на сцену, веду себя, как школьник перед экзаменом. Уверенность появляется лишь тогда, когда зритель спектакль одобрил.

— Могли бы вы определить главную тему своего творчества?

— Главная тема в моем творчестве та, о которой говорю сегодня. Постоянно ищу характерные персонажи. Очень хочу не повторяться.

— Позвольте вернуться к ранее заданному вопросу. Скажите, пожалуйста, неужели любовь к живописи исчезла у вас, не оставив ни следа?

— Конечно, она не исчезла совсем. Я с наслаждением брожу по Эрмитажу, очень люблю западноевропейский портрет, с

Аркадий РАЙКИН:

СМЕЯТЬСЯ С ПОЗИЦИЙ ДОБРА

ко. Этот человек вечно был насупленным и очень необщительным. Замечательно остроумные рассказы Бориса Егорова сочетались с несловохотливостью и, я бы даже сказал, недоступностью в общении. Но есть и исключения из правил. Вечно смеющийся, обливающий вас сарказмом человек — Григорий Рыклин. Такое ощущение, что он неистовым в островах. И рассказы его смешны. Так что закона — каким быть сатирику — не существует.

— А как вы относитесь к юмору, обращенному к вам лично?

— С большим удовольствием. С радостью слушаю пар-

деятельность, выступал в дворовом театре. Потом эта влюбленность превратилась в болезнь. Я бредил театром...

— Скажите, а вы всегда хотели быть актером? Не было ли в вашей душе каких-нибудь сомнений на этот счет?

— Тогда же, в школьные годы, меня сильно увлекала живопись. Естественно, встала дилемма: куда идти — быть актером или художником? Как видите, живопись забросил, занялся сценой. По-моему, жизнь можно отдать лишь одному искусству. На другое — времени нет никакого. Поэтому у меня нет «хобби».

— Расскажите, пожалуйста, как вы работаете с текстом, который написал драматург.

— Я часто получаю письма от зрителей, где читаю такой вопрос: интересно ли целый сезон играть одно и то же? Но разве играешь одно и то же? Каждый раз, произнося один и тот же текст драматурга, нахожу в нем разное. Этим текстом я говорю о том, что происходит сегодня, в день моего спектакля. Для меня текст драматурга — лишь форма, которую надо наполнить содержанием, важным сегодня. Подобные невидимые нюансы зависят только от актера. А моя игра — комментарий, внесенный в текст драматурга. В

трехминутной сценке заключен трехминутный эпизод жизни твоего персонажа. Но актер должен знать всю жизнь своего героя, представлять его во всех жизненных ситуациях. Актер обязан иметь свою точку зрения на исполняемого им героя.

— Следите ли вы за тем, как воспринимают зрители ваши миниатюры?

— Часто я вижу это во время исполнения номера. Порой зрители корректируют мои миниатюры. Играю, допустим, алкоголика и вдруг замечаю в каком-то ряду оживление. Или шипение, а там сидит сезонный толстяк. Ясно — себя узнал. После этого получаю письма, в которых иногда меня обвиняют в неправде или неточности. Как будто я действительно с него списывал. Это уж, как говорится, «на воре шапка горит». Думается мне, что и «Гамлета» можно сыграть так, что будут узнаваться современные черты. Шекспир подметил то, что присуще людям независимо от эпох и стран. Поэтому нам интересно смотреть, как играют одни и те же роли разные люди. Как они прочли, скажем, того же «Гамлета», что они увидели, что нашли в этом образе...

— А как вы определяете, что нужно сегодняшнему зрителю?

восхищением отношусь к живописи современной, но, наверное, больше, чем кого-либо, люблю французских начала века. Вы знаете, живопись порой ассоциируется у меня с музыкой. Люблю симфонические концерты, преклоняюсь перед классической музыкой, кумирами моими одно время были Скрябин и Шостакович. Слушаю и битмузыку, а иногда хочется тишины. Все зависит от настроения.

— Скажите, во время посещения музеев, театров вы наблюдаете людей, ищите в них свои персонажи?

— Конечно. Мне они сняты даже во сне, тогда я просыпаюсь и записываю находку. Но могу сказать с удовлетворением, что отрицательные персонажи меняются. В этом немалая заслуга и искусства. Человек в театре, в музее становится лучше. Этим летом я со страхом и восхищением смотрел «Джоконду». Тысячи людей приходили ежедневно в Пушкинский музей. С некоторыми я заговаривал... И мне было радостно, что люди понастоящему чувствуют прекрасное и наслаждаются искусством.

Беседу вел
Сергей ЛУКНИЦКИЙ

ЛЕНИНГРАД—РЕПИНО—
МОСКВА